
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И КУЛЬТУРА

Медяков А.С.

«ГРЯЗНЫЙ ЗЛОЙ РУССКИЙ». ОБРАЗ РОССИИ НА НЕМЕЦКИХ ОТКРЫТКАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Medyakov A.S.

«Dirty evil Russian». The image of Russia on the German postcards of the First World War

Почтовая открытка времен Первой мировой войны – яркое свидетельство и отражение обыденной жизни, соединявшее в себе пропагандистское послание и возможность отклика на него, как публично, так и частного.

Уже на протяжении XIX в. в Германии наблюдается явное усиление негативного образа России. При этом немцами использовались, прежде всего, такие общеевропейские аллегории России, как казак, медведь и «мужик» с соответствующими атрибутами, например плеткой или бутылкой водки. Главной метафорой России и ее деспотизма на многие десятилетия вперед стал кнут, который в карикатурах нередко именовался «Кнутовски» или «Кнутиков».

К началу XX в., когда Россию стали изображать на иллюстрированных открытках, образ «русских» в немецком массовом сознании в

* *Медяков А.С.* «Грязный злой русский». Образ России на немецких открытках Первой мировой войны. – Режим доступа: <https://ras.jes.su/rushistory/s207987840001494-2-1>

целом уже сложился. Опознавательным этническим признаком русского являлись выдающиеся скулы и азиатский разрез глаз, а дикая растительность на лице и голове, неухоженные зубы и неопрятная одежда указывали на его бескультурие.

С началом Первой мировой войны рынок открыток с карикатурами на русских-врагов у немцев настолько возрос, что осенью 1914 г. в прессе даже развернулась кампания против карточек, высмеивавших врагов «недостойным» образом, а во многих землях рейха были приняты административные меры. Однако это мало что изменило, и с началом войны немецкие визуальные репрезентации России практически не претерпели изменений. «Варварство» русских и их внешнего облика всячески акцентировалось при сравнении не только с немцами, но и с союзниками по Антанте. Так, на одной из карикатур все пленные в немецком лагере, кроме русских, пользуются при еде столовыми приборами и только русский вылизывает тарелку. В сравнении же «русского» с азиатами и африканцами, напротив, подчеркивалось их сходство.

На немецких карикатурах черты лица «русского» при сохранении в целом довоенных изобразительных приемов все более приобретали оттенок дегенеративности. Типичная юмористическая гиперболизация использовалась уже, по сути, для передачи смыслов, характерных для расистского дискурса. Это позволяло примитивизировать «русского», перемещая его вниз по лестнице эволюции.

Никогда на открытках военного времени аллегорические фигуры, символизировавшие Германию – ни ее небесный покровитель архангел Михаил, ни даже Михель, наиболее приземленная из аллегорий немецкого народа, – не сражались с русскими, они боролись исключительно против Англии и Франции. Борьба с русскими не представлялась как состязание равных. Типичным противником «русского» являлся обычный пехотинец (фельдграуэр), который, опять-таки обходясь без каких-либо облагораживающих схватку видов оружия, голыми руками расправлялся с врагами. Между тем именно «русская угроза» в 1914 г. сыграла ключевую роль в духовной мобилизации немецкого общества на «защиту отечества».

Открытки всячески указывали на «виновность» России и Сербии в развязывании войны. Во время боев в Восточной Пруссии в августе 1914 г. газеты были переполнены сообщениями о «русских зверст-

вах», но на карточках они фактически не отразились. Очевидно, издатели ясно осознавали различие между вербальным и визуальным по степени эмоционального воздействия. Населению не следовало внушать страх.

Большой популярностью в изображении русских пользовалась тема «грязных русских», представленная в разных вариантах. В частности, на одной из карточек русский солдат не мог использовать нателенную рубаху в качестве белого флага, поскольку после трех месяцев носки она стала защитного цвета, и др.

Однако в излюбленную метафору превратились вши. Образ паразита использовался, прежде всего, чтобы показать связь между Россией и Сербией, которая особенно часто и грубо тогда диффамировалась немецкими карикатуристами, сделавшими вошь едва ли не постоянным атрибутом серба. Так, на одном из рисунков русский медведь, глядя на устремившегося к нему завшивленного серба, сетовал на то, что «подсадил себе на мех вошь».

Вши «украшали» на карточках и русских солдат. Типичен сюжет, на котором они «берут пленных» вшей у себя на теле. При этом немцы и русские противопоставлялись как носители чистоты и грязи, которые отождествляли культуру и варварство. Кроме того, из антитезы чистоты (культуры) и грязи (варварства) следовали и иные выводы, вплоть до самого радикального: «От грязи следует избавляться».

Представление, что нечистота – наследственное качество славянских народов – укоренилось в западных странах еще в XVIII в. Во многом подобные стереотипы были связаны с представлениями о «польском хозяйстве», а само прилагательное «польский» некоторые немецкие словари относили к группам «грязь» и «беспорядок». Поэтому и собирательный тип местного жителя оккупированных территорий именовался на польский манер – «панье».

Чаще всего «панье» изображался с семьей (как правило, занятой поиском вшей) в собственном жилище, неизменными признаками которого являлись убогий двор, живущие с людьми домашние животные, в том числе куры и свиньи, а также крысы. «Страны панье» на открытках выглядели как огромные неустроенные пространства с непроходимыми от грязи дорогами, что становилось предметом постоянных шуток и анекдотов в армейских газетах. При этом фотографии и рисунки, демонстрировавшие «хозяйство панье», не имели привязки

к конкретной национальности или государству, хотя объявлялись «русским».

На многих открытках германские солдаты нередко мыли или посыпали порошком против насекомых «русского» медведя или царя, ташили в баню упирающегося мужика и т.д. В газетах звучали требования «пройтись железной метлой» по «этим грязным городам и деревням», грязным жилищам панье и евреев, и особенно по застарелой грязи мужчин, женщин и детей Русской Польши. Принесенные немцами изменения трактовались как «переход от нечистоты к чистоте». Однако эта гигиенически-культурная миссия была отнюдь не бескорыстна: чистоту следовало не только принести, но и сохранять. Хотя открытки не содержали прямых призывов к оккупации и аннексиям, они все же вносили свой вклад в их оправдание. В них создавался тот же пропагандистский образ «Востока» как «земли без хозяина», пустого места, которое нужно заполнить.

Определяя культуру через чистоту, немцы связывали с чистотой идею порядка. Поэтому грязь, с их точки зрения, – это покушение на порядок как на их национальную ценность. Поэтому для них было очень важно оттенить собственную чистоту грязью других. Как известно, противопоставление Чужому позволяет лучше осознать собственную идентичность и даже превосходство.

Гораздо более лояльно, чем к славянам, немцы относились к оккупированному населению западных стран – Франции и Бельгии. В газетах Западного фронта практически невозможно встретить откровенно уничижительные описания гражданского населения и тем более сцен грабежа и насилия, что на Восточном фронте воспринималось и даже публично декларировалось как норма. Об этом же свидетельствовали и открытки, демонстрирующие идиллические картины, на которых немецкие солдаты помогали по хозяйству жителям оккупированных территорий западных стран, кормили их детей и т.д.

В период Первой мировой войны Восточная Европа стала восприниматься в Германии как пространство, лишенное культуры и чистоты, что никогда прежде не звучало с такой отчетливостью. В образе врага появилось новое качество – представление о его неполноценности, связанное с ощущением культурно-биологического превосходства немцев, возникшим именно в ходе борьбы на востоке Европы.

Открытки сыграли в этом весьма значительную роль: визуализация позволяла представить подобные идеи в доступной, символической и эмоционально окрашенной форме, когда, например, немецкий солдат давил «русских»-тараканов или поливал ядом «русских»-вшей. Неудивительно, что к концу войны потенциально опасные царь, казак и медведь все больше уступали место немецкой гигиенически-культурной миссии.

Открытка, которую в качестве носителя памяти затем сохраняли в семейных альбомах и коллекционировали (что было особенно характерно для Германии), напоминала о погибших, приобретая особое значение для формирования знаний о России у поколения, родившегося в годы Первой мировой войны и воевавшего во Второй.

Визуальное высмеивание и унижение противника имело в дальнейшем серьезные психологические последствия. Волнующе-восторгающий военный энтузиазм детей, ставший их каждодневным опытом с 1914 по 1918 г., стал позитивной перспективой нацизма. Подлинное поколение нацизма – это родившиеся с 1900 по 1910 г., те, кто ощутил войну как большую игру. Миллионы открыток наполняли эту «игру» образами, делали воображаемое видимым и закладывали стандарты восприятия врагов, в том числе – на Востоке.

Фетисова Т.А.